

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО О ГЕТЕ

18 мая 1909 г. Л. Н. Толстой получил от издательства Дитрих в Лейпциге выпущенный им «Goethe-Kalender auf das Jahr 1909». Вместе с книгой получено было и письмо, в котором издательство обращалось к Толстому с просьбой высказаться о Гете: «В чем Вы видите главное значение Гете; какие произведения Гете оказали на Вас наиболее сильное действие; полагаете ли Вы, что Гете распространится шире, чем это до сих пор имело место?»

Толстой имел обыкновение делать для себя отметки на конвертах получаемых писем. На этот раз он пометил: «Можно написать?», выразив вопросительным знаком свою неуверенность в том, исполнит ли он желание издательства. Письмо однако было написано, вернее—оно было продиктовано Толстым 27 мая (9 июня); оно воспроизводится нами по сохранившейся копии.

В течение нескольких вечеров (утрами Толстой не читал, отдавая все свои силы писанию), предшествовавших письму, он читал присланную книгу. Его особенно заинтересовали приведенные в книге в большом количестве разговоры Гете с разными лицами. Как говорят об этом Д. П. Маковицкий в своих неизданных «Яснополянских записках» и Н. Н. Гусев в книге «Два года с Л. Н. Толстым» (М., 1912, стр. 282), Толстой неоднократно делился с окружающими тем или другим прочитанным изречением Гете. По обыкновению Толстой читал с карандашом в руке. Книга с его пометками сохранилась в яснополянской библиотеке («Goethe-Kalender auf das Jahr 1909. Zu Weihnachten 1908 herausgegeben von Otto-Julius Bierbaum, mit Schmuck von C.-R. Weiss und 12 Netzätzungen nach lebensgrossen Steinzeichnungen von Karl Bauer im Dietrich'schen Verlage bei Theodor Weicher in Leipzig»). Отметки Толстого четырех видов: отчеркивания на полях, подчеркивания слов в тексте, нотабене (NB) и знаки вопроса. По этим пометкам можно судить о том, что восьмидесятилетний Толстой в Гете принимал, что его особенно привлекало и что отталкивало. В этом отношении весьма интересны те высказывания Гете, которые со стороны Толстого вызвали отметку вопросительным знаком; в них столкнулись два противоположные миросозерцания—Гете и Толстого. Идеалист, сторонник Канта и Шопенгауэра в вопросах гносеологии, Толстой недоумевает по поводу следующего рассказа Шопенгауэра, относящегося к 1813 г. (стр. 88): «Этот Гете в такой полной степени был реалистом, что ему никогда и в мысль не могло прийти, чтобы предметы, как таковые, существовали лишь постольку, поскольку они представлялись познающим субъектом. «Как,—сказал он мне однажды, взглянув на меня своими юпитеровскими глазами,—свет существует лишь постольку, поскольку Вы его видите? Нет. В а с бы не существовало, если бы свет В а с не видел». Вызывает недоумение у автора «Крейцеровой сонаты» и следующее признание 73-летнего Гете, сделанное им Мюллеру 22 мая 1822 г.: «Плохо мне, потому что я не влюблен и в меня никто не влюблен». Двумя восклицательными знаками сопровождает Толстой замечание Гете (в разговоре с Мюллером и Риммером 31 марта 1823 г., стр. 99): «Нет ничего вреднее, как всегда себя пилить и желать сделать лучшим, никогда не приходя ни к какому заключению; это препятствует всякой продуктивности». Наоборот, с сочувственным вниманием отмечает Толстой, борец против религиозного ханжества и лицемерия, такие слова И.-Х. Кестнера о Гете: «Он не ходит в церковь, не ходит причащаться и редко молится, потому что, говорит он, я для этого недостаточно лжив» (стр. 33).

Кроме «разговоров Гете» Толстым отмечены в книге некоторые его стихи, приведенные в первой части. Это короткие изречения по большей части в виде одного-двух стихов, главным образом из стихотворений Гете. Отмечались Толстым преимущественно те стихи, в которых нашла свое выражение гетевская жизнерадостность.

Человек противоположного миросозерцания, считавший Гете «язычником», Толстой при чтении его изречений и избранных стихов не мог не поддаться обаянию его гениальности, о чем свидетельствует красноречиво карандаш, с которым Толстой читал книгу, и что подтверждает его письмо.

[ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО В ИЗДАТЕЛЬСТВО DIETRICH]

27 мая 1909 г. Ясная Поляна.

Милостивый Государь.

Благодарю Вас очень за присылку Вашего «Гетевского календаря на 1909 год». Я просмотрел его с большим интересом. Что меня особенно заинтересовало, это—разговоры Гете с разными лицами. В этих разговорах я нашел для себя много нового и ценного, как напр. то, что он в разговоре с Фальком высказал о науках, которые сделались слишком дальнзорки¹, или с Римером о растительных умах и *eleutheroi*², или что природа—это орган, на котором играет наш господь бог, а дьявол раздувает мехи³.

Особенно замечателен его разговор с Мюллером 3 февраля 1823 г.⁴ Так же то, что он еще в 1824 г. говорил о вреде, приносимом журналами и критиками⁵, и что особенно верно в наше время.

Но было бы слишком долго перечислять все то глубокомысленное и разумное, что я нашел в этой книге⁶.

Не осудите меня, что я по причине большой занятости не могу исполнить Вашего желания высказаться о сочинениях Гете.

Еще раз благодарю Вас за книгу, которая для меня была так ценна.

Лев Толстой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разговор с Фальком о науке происходил в 1809 г. Толстым отмечено в разговоре следующее место: «Все в науках сделалось слишком дальнзорким. На наших кафедрах отдельные предметы по плану насильственно растягиваются до полугодовых чтений. Ряд действительных открытий ничтожен, в особенности если их рассматривать во взаимной связи на протяжении двух столетий. Большая часть того, чем занимаются, есть ведь только повторение того, что сказал тот или другой знаменитый предшественник. О самостоятельном знании почти нет и речи. Молодых людей, как стадо, загоняют в комнаты или аудитории и кормят их, за недостатком действительных предметов, цитатами и словами. Воззрение, которого часто недостает самому учителю, ученики пусть после приобретают себе! Не много нужно, чтобы понять, что это совершенно ошибочный путь. Если же профессор в совершенстве обладает ученым аппаратом, то от этого не лучше, а только еще хуже. Темноте тогда уже нет конца» («Goethe-Kalender», стр. 74).

² Разговор с Римером относится к марту 1814 г. Приводим место, отчеркнутое Толстым: «Есть умы растительные и умы животные наподобие растений и животных или женщин и мужчин. Одним нужна, так сказать, почва, на которой они укрепляются и из которой извлекают себе пищу (какая-нибудь наука); другие, которые свободно ходят повсюду (*eleutheroi*), всем питаются и изо всего извлекают себе пользу: поэты и художники («Goethe-Kalender», стр. 88).

Эту мысль Толстой отмечает на полях нотабене, однако вычеркивает в ней слова «или женщины и мужчины», не признавая очевидно разницы женской и мужской натуры, которую усматривает Гете.

³ Афоризм Гете, отмеченный Толстым нотабене, взят из разговора Гете с Буассере: «Природа такова, что тройца не могла бы сделать ее лучше. Это орган, на котором господь бог играет, а дьявол раздувает меха» («Goethe-Kalender», стр. 92).

⁴ Слова Гете, сказанные им в беседе с Мюллером 3 февраля 1823 г. и привлекавшие особенное внимание Толстого, следующие: «Если бы я имел несчастье быть обязанным состоять в оппозиции, я бы лучше стал производить восстания и революцию, чем бездельничать в мрачном кругу вечного порицания существующего. Я никогда в жизни не желал стать во враждебную бесполезную оппозицию к преобладающему течению большинства или к господствующему принципу; я лучше, как улитка, забирался в свою собственную скорлупу и жил там так, как мне

того хотелось. К чему ведет вечная оппозиция и капризное критиканство и отрицание, это мы видим на Кнебеле: оно сделало из него недовольнейшего, несчастнейшего человека; то, что внутри его, подобно раку, все выедено; двух дней нельзя прожить с ним в мире, потому что он на все нападает, что кому-либо мило. Что мы в себе питаем, то растет; это вечный закон природы. Есть в нас орган недовольства, недовольства, так же как есть орган оппозиции, духа сомнения. Чем больше пищи мы ему доставляем, чем более мы его упражняем, тем он становится сильнее, пока наконец из органа не превращается в болезненный нарыв и все вокруг себя пагубно пожирает. Тогда приходят раскаяние, упреки и прочие нелепости, мы делаемся несправедливы по отношению к другим и к себе самим. Радость по поводу чужих и своих удач и успехов потеряна; в отчаянии отыскиваем мы наконец причину всего зла вне нас, вместо того чтобы искать ее в нашей собственной ошибке. Бери каждого человека, каждое происшествие в их собственном смысле, выходи из себя, чтобы тем свободнее снова углубиться в себя» («Goethe-Kalender», стр. 98).

⁵ Разговор о критиках и журналах, отмеченный Толстым, приведен в записи Эккермана от 2 января 1824 г.: «Кто не хочет верить, что многое в величии Шекспира принадлежит его великому, мощному веку, тот пусть только спросит себя, считает ли он возможным возникновение такого изумительного явления в теперешней Англии 1824 г., в эти скверные дни все критикующих и все разлагающих журналов. То невозмутимое, невинное творчество во время ночных скитаний, при которых только и может вырастать что-либо великое, теперь уже совершенно невозможно. Все наши теперешние таланты лежат на подносе гласности. Ежедневно в пятидесяти различных местах появляющиеся критические листки и шум, производимый ими в публике, не дают появиться ничему здоровому. Кто ныне не удаляется от этого и не изолирует себя насильственно, тот пропал. Правда, через этот плохой, большей частью отрицательный, разводящий эстетику и критику журнализм появляется некоторый род полукультуры в массах; однако для творческого таланта это вредный туман, падающий сверху яд, который разрушает дерево его творческой силы от зеленой красы листья вплоть до глубочайшей сердцевины и самых скрытых волокон. И потом, как вяла и слаба стала сама жизнь за эти два дрянные столетия. Где теперь еще встретишь открытую оригинальную натуру? И у кого есть сила быть правдивым и показывать себя тем, что он есть? Но ведь все это воздействует на поэта, который должен отыскивать все в себе самом, так как извне он ничего не получит.» («Goethe-Kalender», стр. 130).

⁶ Помимо приведенных выше пяти разговоров Гете, особо отмеченных Толстым в письме, им отмечен еще целый ряд разговоров с разными лицами о самых различных предметах: об искусстве, о женщинах, о религии, о чтении книг, о науках, о медицине, о национальной ненависти, о национальных различиях...

Приводим перечень сделанных Толстым отметок «Разговоров Гете» с указанием темы разговора, начальных и конечных слов отчеркнутых Толстым мест и страниц, на которых они напечатаны в «Goethe-Kalender». Об искусстве: «Künste müssen... und die Leitern kennen (46—47). О женщинах и об отношении к ним: 1. «Die Weiber, auch die gebildetsten... sei es an sich noch so vortrefflich» (52); 2. «Wer die Weiber hasst... dieser hofft noch mit ihnen fertig zu werden» (79); 3. «Die Verhältnisse mit Frauen... zur vollkommenen Leere» (92). О религии: 1. «Er geht nicht... nicht genug Lügner» (33); 2. «Wie viel... überlassen müssen» (82); 3. «pflege ich auf Ideen... ausschliessenden Werth zu legen» (83); 4. «Er wird ihnen... nicht nennen mögen» (101); 5. «Mir bleibt Christus... in den Köpfen sich kreuzen» (119); 6. «Fragt man mich... sich beherrschen zu lassen» (121). О свойствах человека: «Der Mensch ist wohl ein seltsames Wesen... Was wir anfangen sollten» (95—96). О профессорах: «Ein andermal... über Wegstunde tagelang zubringende» (102). О мелочах: «Es giebt nichts Unbedeutendes in der Welt. Es kommt nur auf die Auschaungsweise an» (97). О книгах и о критиках: «Ein Buch... zum richtigen Urtheil darüber kommen» (98). О нравственности: «Neue Erfindungen... da findet man erstaunliche Sachen» (100). О потомстве и современниках: «Die gerechtere Nachwelt... ich habe es ihnen nie recht zudanke gemacht» (102—103). О постоянном движении вперед и о «жизни народов»: «Die Zeit aber ist... beabsichtigen Revolutionen solcher Art ohne Erfolg» (104). Об отношении «толпы» к гению: «Die ganze Geschichte mit dem Genie... was er will und Lust hat» (87).

Кроме перечисленных мест есть в книге и много других более мелких отметок, подчеркивающих отдельные слова и выражений, которые мы здесь опускаем.